

6+

АЛЁНА ЗОРИНА

ВХОД СТРОГО ДЛЯ КОШЕК

Новый посетитель

КНИГА 1 • повесть-сказка 6+

Алёна Зорина

**Вход строго для кошек:
Новый посетитель**

«Издательские решения»

Зорина А.

Вход строго для кошек: Новый посетитель / А. Зорина —
«Издательские решения»,

Оля знает расписание каждого огня в своём городке — но однажды ночью за булочной загорается свет, которого не должно быть: тёплый, переливающийся, от сиреневого до самого синего. Свет, который видят не все. Так начинается история девочки, ночного книжного магазинчика для котов и самого редкого дара на свете — умения смотреть.

Содержание

Глава 1. Обычное лето	6
Глава 2. Тот, что днём не найдёшь	9
Глава 3. Третья ночь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вход строго для кошек: Новый посетитель

Алёна Зорина

© Алёна Зорина, 2026

ISBN 978-5-0071-1376-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Обычное лето

Больше всего на свете Оля любила свой подоконник. Это было её официальное место. Окно там стояло глухое, не открывалось, поэтому родители не спорили — сиди сколько хочешь. Мама даже сама положила на подоконник мягкие подушечки. Среди них была одна старая, в наволочке с выцветшими мишками, — Олина самая любимая.

Подоконник был широкий, а стекло к вечеру отдавало дневное тепло. Сидишь, свесив ноги, спиной чувствуешь это тепло, смотришь на городок — а все звуки с улицы доносятся тихо, как будто город разговаривает шёпотом.

Городок, где жила Оля, стоял на реке. Он был такой маленький, что все в нём знали, где чья собака гуляет, в какой булочной сегодня свежий хлеб и что показывают в клубе по субботам. По утрам от булочной на целую улицу пахло горячим хлебом, а по вечерам с реки доносился гудок теплохода — густой и низкий, его было слышно в каждом дворе.

Городок Оля знала наизусть. И была у неё такая привычка: сидеть на своём подоконнике и перечислять вечерние огоньки про себя — будто проверять, всё ли на месте. Набережная с двумя рядами фонарей — высокими и низкими. Мост с огоньками через всю реку. Синяя вывеска аптеки — одна на всю тёмную улицу, — не гасла она до самого утра. Жёлтое окошко сторожа около гаражей. А если прижаться к стеклу и глянуть вбок — виден и прожектор теплохода, когда тот оставался ночевать у пристани.

Она даже знала расписание каждого огня. Булочная гасила витрину ровно в десять, с тихим щелчком — после него улица становилась совсем тёмной. Сторож сидел при жёлтом окошке позже всех, а уж если и он выключал свет — значит, совсем ночь. Новый огонь в их городке не зажигался никогда.

За булочной была ещё одна улица. Туда никто не ходил — не было там ничего приметного. Все доходили до булочной и сворачивали к красивой набережной. Мальчишки катались на велосипедах до моста и назад, собак выгуливали у воды, даже дворник дядя Коля держал свой велосипед у трансформаторной будки, в трёх шагах от того поворота, — но за угол не заходил.

Стоял июль — самая середина лета и самая середина каникул. Дни были длинные, а вечера тёплые и медленные. Река была спокойная, по ней ходили белые теплоходы, и от каждого по воде бежала пенная дорожка, а ребята с вечера до самой темноты не вылезали из воды у пристани. Света была Олина подруга — единственная и самая лучшая. Целыми днями они пропадали на реке, покупали по леденцу и разговаривали про всё подряд. Света всегда много болтала, а Оля слушала — и обоим было хорошо.

Один раз Оля предложила:

— Давай сходим на ту улицу.

— А что там смотреть? — сказала Света. — Там ничего нет.

И они пошли на реку. Вот так и не сходили. Оля это замечала, а потом забывала.

А замечала Оля вообще очень много. Просто сидела тихо, а сама всё видела.

У Светиной сумки на подкладке были вышиты чужие буквы — Света сказала, что это сестрины, но зачем-то посмотрела при этом в сторону.

Мама целую неделю не замечала, что магазин на углу поменял вывеску, а потом очень удивилась — как это она мимо проходила.

А дядя Коля, когда думал, что его никто не слышит, делился обедом с двумя гаражными котами. Он клал им на картонку кусочки колбасы и выговаривал:

— Крыс в городе, кроме вас, никто не ловит. Хоть бы разок, для вида, побегали.

А коты лежали, жевали и слушали, как будто всё понимали. Стоило кому-нибудь выйти из подъезда, дядя Коля осекался и принимался подметать с очень деловым видом.

Взрослые почему-то редко что замечали. И ещё реже замечали, что замечает Оля.

У соседей этажом выше жил кот Васька — тот самый, что научился открывать балконную дверь лапой. За это в доме его так и прозвали: балконник. Света рассказывала: стоит себе бабушка Семёновых под балконом и кричит наверх: «Васька! Закрой!» — а он сидит и умывается.

— Это он специально, — сказала Оля.

— Конечно, специально. Они всё понимают, — сказала Света. — Просто виду не подают.

Иногда Света вздыхала: «Ну, Оль, ты про всех всё знаешь, а тебя как будто и нет». Оля не обижалась. Ей нравилось быть незаметной.

Дома всё было как у всех. Мама работала в больнице и приходила то ранняя, то с ночной смены. Папа работал на пристани, чинил катера, и от него всегда пахло бензином и рекой, даже по вечерам. У них был суп, телевизор и самый главный разговор:

— Ты книжку-то летнюю читаешь?

— Читаю, — говорила Оля. — Потихоньку.

Книга из списка на лето лежала на тумбочке, открытая на одной и той же странице. Читать Оля умела как все, но всё на свете было интереснее книжки — и подоконник, и река, и разговоры со Светой.

Неделя шла самая обычная. Как все летние недели.

В тот июльский вечер не случилось ничего особенного. Была река, была Света, был ужин и вечерние комары. Комары ныли над ухом, телевизор бормотал в соседней комнате. А потом пришла ночь — и Оля не смогла уснуть.

Такое с ней случалось иногда. Просто не спится, и всё. Она повертелась с боку на бок, подкрутила подушку — сна всё не было. В июле темно бывает недолго: город гаснет поздно, да и то ненадолго. В доме стояла тишина: холодильник молчал, машины разъехались, только изредка скрипела пристань на реке. Оля лежала, поворачалась и ничего лучше не придумала, чем пересесть на свой подоконник.

За стеклом стояла тёплая ночь.

Огни были на местах — все, про которые она знала. Набережная, мост, аптека, сторож.

И ещё один.

Яркий свет горел на той самой улице, куда никто не ходил. Он был ярче всех остальных огней, и он был другой. Он не стоял ровно, как фонарь, а словно переливался. Оля прижалась к стеклу обеими ладонями, чтобы рассмотреть получше, — стекло вокруг сразу запотело. Она протерла его рукавом, но ей это не помогло, и свет остался просто тёплым пятном, которое не гасло.

Что же там такое?

Она смотрела на него очень долго, пока глаза не стали слипаться. Потом слезла с подоконника, легла — и сразу уснула.

А утром позвонила бабушка. Она звонила каждое утро летом и спрашивала всегда одно и то же:

— Как дела? Что нового?

— Всё хорошо, — сказала Оля. — Ничего нового.

Хотя это было неправдой. Оля теперь знала, что в их городке есть огонь, которого она раньше не видела. И она никогда не ходила той дорогой, и не знала, что там.

Глава 2. Тот, что днём не найдёшь

На следующее утро пахло яичницей, а за окном стоял обычный июль. Мама уже ушла в больницу и оставила на столе записку: «Пообедай не забудь». Папа что-то насвистывал и намазывал хлеб маслом. Оля взяла булочку, села на подоконник и посмотрела на ту улицу. Тихо, пусто, как всегда. Даже подумать странно: ночью там горел такой свет — а днём ничего.

— Пап, а что там, за булочной?

— М-м? — Папа намазал хлеб маслом, потом второй кусок. — Не знаю. Я туда не хожу.

— В смысле — не ходишь?

— Ну а зачем? Там нет ничего, — сказал папа и поставил чайник.

Вот и весь разговор.

Оля решила: если ночью там горит такой свет, то днём обязательно найдётся хоть что-нибудь. Днём-то всё видно.

Свете она пока ничего не сказала. Да и что тут скажешь: пошли посмотрим на свет? Свет-то бывает ночью.

После обеда она вышла из дома и пошла знакомой дорогой, мимо булочной. Солнышко пекло в макушку, от булочной пахло горячим хлебом. На углу Оля даже приостановилась: все как один сворачивали налево, к реке, где набережная и красиво, а ей надо было прямо. «Просто иди прямо», — сказала она себе и пошла.

Улица оказалась обычная, даже скучная. Дома, заборы, крапива у забора — и ни одного человека. Только на одном крыльце лежала большая рыжая кошка. Оля сказала ей «привет», а кошка лежала и смотрела на Олю, не мигая, — видно, по-своему здоровалась.

Интересного там не нашлось почти ничего. Только старая запылившаяся витрина книжного магазина, который, видно, был закрыт очень давно. На вывеске ещё читалось «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН», но буквы выцвели, на двери висела табличка «ЗАКРЫТО», а стекло было такое пыльное, что сквозь него почти ничего не проглядывало. Оля потёрла стекло рукавом и заглянула внутрь: там стояли полки со старыми книжками, корешки у них пожелтели от солнца. Сбоку у магазинчика были ещё два окна — такие же тёмные и пыльные. А крыша самая обычная, даже антенны нет. Оля за компанию подёргала дверь — заперто, табличка только чуть качнулась.

Но ведь свет горел где-то здесь: Оля прикинула по крышам и окнам — получалось, именно на этой улице, ближе всего к магазинчику.

Как же так? «ЗАКРЫТО» — а свет горит?

Дома Оля достала с полки стопку прошлогодних тетрадок и выбрала толстую, почти чистую. На первой странице написала большими буквами: «СВЕТ». А ниже первую запись: «14 июля. Ночью горел, днём закрыто. Свет жёлтый, тёплый». Тетрадку спрятала под подушку. Мама, конечно, могла найти, но Оля решила: под подушку мама не лазит.

В тот же вечер началось наблюдение.

На следующую ночь Оля специально не спала: села на подоконник с подушкой, обняла коленки и терпеливо ждала. Поначалу было даже весело — смотреть на ночной город, слушать, как он притих. Но свет не появился. И на следующую ночь — тоже нет. Записи в тетрадке росли: «темно», «темно», «темно; у реки вспыхнуло — ура!.. нет, это теплоход махнул прожектором». Оля аж вся подалась вперёд, показалось — горит! А потом обиделась на теплоход ещё дня на два.

Один раз она проспала ночь целиком — и потом весь день сердилась на себя. Стала спать сидя, на подушке, обложившись со всех сторон. Получалось плохо: ей или было жарко, или подушка уползала.

Дни шли обычные. Была река, была Света, была жара и леденцы. Раз Света посмотрела на Олю и спросила:

- Ты чего зеваешь весь день? Ночью, что ли, не спишь?
- Жара просто, — сказала Оля. Это была чистая правда.

Только вот домой она теперь старалась прийти пораньше — надо же было выспаться перед ночью. Света только плечами пожала.

Оля пробовала понять, когда свет включается. Может, по средам? В среду было темно. По субботам? В субботу темно и ещё лило. При круглой луне? Луна висела круглая, а улица — чёрная. Оля даже сходила на пристань и списала в тетрадку расписание теплоходов — вдруг свет ходит как теплоход, через день? Но нет: через день он горел и не горел как попало. У теплоходов расписание висело на пристани, у кино — на клубе, а у этого света не получалось никакого порядка.

И вот спустя несколько ночей свет снова появился. Он горел на том же самом месте, жёлтый и тёплый. И теперь Оля разглядела, чем он другой: фонарь висит на столбе и не шевелится, фары едут, а этот стоял на месте и словно переливался.

Оля вскочила и уже нашла в темноте шорты — но остановилась. Весь город спал. Даже собаки молчали, даже у сторожа в гаражах было темно. А улица за булочной — чёрная-чёрная, и идти туда одной, через весь спящий город...

Интересно было очень. Но страх пока оказался сильнее.

Она долго стояла у окна и смотрела. Свет не гас и не гас — как будто ждал. А потом Оля улеглась и уснула.

А утром записала в тетрадку: «Горел. Другой. Я не пошла». Посмотрела на эту запись и решила так: если свет появится ещё раз, она пойдёт и посмотрит, что же там.

Решила — и положила на подоконник фонарик.

Глава 3. Третья ночь

Фонарик лежал на подоконнике и ждал. Оля была совсем готова: на стуле лежали наготове шорты и футболка, чтобы в темноте не искать, а тапочки она решила нести в руке, чтобы они не шлёпали. И про себя дважды сказала: я пойду.

И свет, конечно, не появлялся. Ночь — темно. Другая ночь — темно и дождь. Оля уже начала сердиться, но записывать не бросила: «не горел», «опять не горел».

А перед обедом мама посмотрела на неё и спросила:

— Ты чего с места на место? Волнуешься?

— Угу, — сказала Оля. — Волнуюсь.

Это тоже была правда. Только не вся.

И вот на третью ночь свет снова появился. Он стоял на том же самом месте, жёлтый, и словно переливался.

Оля вскочила. Шорты надела, футболку надела, фонарик взяла, а тапочки понесла в руке. Родители спали. Она прошла мимо их спальни на цыпочках, сдерживая дыхание. Возле двери надела тапочки и взялась за замок. Замок щёлкнул — вроде тихо, но Оле показалось, что на весь подъезд. Она замерла и послушала. Тихо. Никто не проснулся, никто не вышел. Весь дом спал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.